

с глухонемотою душой, и сеет рознь и смуту». В то же время автор дневника утверждал, что единственное посещение Николаем II Государственной думы, состоявшееся 9 февраля 1916 г., «Гришка проектировал уже более двух месяцев» (т. 2, с. 245). В данном случае Никольского явно подвели его информаторы.

Не менее ценные сведения содержатся в дневнике о бурной жизни российской прессы конца XIX — начала XX в. Дневник Б.В. Никольского является своего рода путеводителем по всем наиболее резонансным

публикациям тех лет, что превращает его в надёжное подспорье для изучающих эпоху заката Российской империи.

Примечания

¹ Подробнее см.: Андреев Д. А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой—весной 1899 года // Российская история. 2012. № 1. С. 59—68.

² Дневники императора Николая II (1894—1918). Т. 1. М., 2011. С. 655.

Жанна Артамонова

Рец. на: О.Л. Лейбович. Охота на красного директора. Пермь: ИЦ «Титул», 2017. 317 с.*

Janna Artamonova

(Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow)

Rec. ad op.: O.L. Leibovich. Okhota na krasnogo direktora. Perm, 2017

Новое исследование известного пермского историка О.Л. Лейбовича посвящено событиям, хорошо известным в научной литературе¹. Первый Московский открытый процесс (август 1936 г.) стал началом массовой кампании по искоренению «троцкистско-зиновьевского подполья», которая коснулась директоров многих крупных предприятий. Несмотря на резкое обострение политической обстановки, наркому тяжёлой промышленности Г.К. Орджоникидзе удалось защитить их и приостановить репрессии в своём ведомстве. Однако его заступничество лишь на время, до января 1937 г., отсрочило готовящиеся аресты.

В связи с рассекречиванием в последние десятилетия крупных комплексов архивных документов возможность и необходимость изучения этой темы стали очевидны, тем более что до сих пор она не становилась предметом специального исследования, а представления о событиях тех лет остаются довольно поверхностными. Поэтому выход рассматриваемой монографии можно только приветствовать. Стоит отметить и то, что её автор хорошо известен в научном

сообществе своими глубокими, оригинальными и даже новаторскими исследованиями. В сферу его научных интересов входят повседневная жизнь российской провинции в 1930—1950-х гг., ментальные структуры и межличностные отношения. Много сделано Лейбовичем и в теоретическом осмыслении этих проблем, разработке методов работы с источниками и подходящего концептуального аппарата.

Замысел новой книги складывался постепенно, в ходе многолетней работы автора и его коллег с фондами Пермского государственного архива новейшей истории. Комплекс использованных материалов включает переписку участников событий, правленные и направленные стенограммы партийных собраний, доносы, воспоминания, архивно-следственные дела и протоколы допросов. Но исследования Лейбовича выгодно отличает не только глубокая фундированность, но и обстоятельный источниковедческий анализ. Дотошно, с мельчайшими подробностями автор изучает историю создания документов, оценивает достоверность

* Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00243.

содержащейся в них информации, анализирует методы составления протоколов допросов и доносов. Большое внимание уделяется и их «языку», называемому некоторыми исследователями «языком террора». Лейбович анализирует особенности этого языка — формулировки, речевые обороты, фразеологические штампы.

Обращает на себя внимание способ изложения материала — обильное цитирование источников. Автор объясняет его так: «Перевод аутентичных высказываний участников событий и даже официальных документов на академический язык... привел бы к существенным потерям смысла» (с. 15). Как результат, в монографии именно через комплекс свидетельств современников, подчас противоречащих друг другу, воссоздается нарратив эпохи. В целом же обширный документальный базис, колоссальная источниковедческая работа и оригинальная манера повествования не просто облегчают чтение книги, а способствуют более глубокому пониманию описываемых в ней событий.

Главный герой исследования — директор Пермского моторостроительного завода № 19 И.И. Побережский. Инженер по образованию и незаурядная личность с амбициозным и независимым характером, он сделал стремительную карьеру: был первым директором Центрального института авиамоторостроения, а в 1934 г., 37 лет от роду, занял престижное место начальника крупного оборонного предприятия. Побережский пользовался заслуженной репутацией сильного хозяйственника: «Был человеком надменным, коммунистом беспощадным, единоначальником жёстким и волевым, не терпевшим прекословия» (с. 27). А будучи близок к руководству страны благодаря дружбе с руководителями Наркомата тяжёлой промышленности (НКТП) СССР Г.К. Орджоникидзе и М.М. Кагановичем, мог напрямую докладывать им о нуждах производства, благодаря чему обладал обширной автономией по отношению к региональным властям.

Во введении к книге автор указывает, что это не биографическое исследование. Основная задача — через призму судеб отдельных людей, вовлечённых в эти драматические события, анализируя выбранные ими стратегии поведения, показать этапы зарождения и эскалации конфликта между

директором завода, местным партийным руководством и управлением НКВД. Причём этот конфликт рассматривается не как цепь случайных событий, а как единый процесс, изучение которого позволяет «увидеть изнутри технологию Большого террора, бросить свет на её ментальные составляющие» (с. 6).

Подобный подход, безусловно, расширяет исследовательское поле. Именно поэтому Побережский — лишь «один из персонажей книги среди множества других: партийных работников, сотрудников НКВД, инженеров» (с. 6). Каждой из этих групп уделяется отдельное внимание как в первой главе монографии, «Действующие лица», так и в последующих. При этом информация об участниках конфликта не сводится к простым биографическим справкам. Автор анализирует стратегию их поведения и мотивы действий, ищет объяснение их поступкам. Убедительно доказывается, что, несмотря на разницу биографий и характеров, всеми ими, в конечном счёте, двигали амбиции, обиды, жажда мщения и страх, прикрываемые государственными заданиями или партийными директивами: «Все участники этой истории делают, что должны делать. Директор завода организует производство авиамоторов для боевых самолётов... отодвигая плечом тех, кто стоит на его пути. Секретарь горкома проводит партийную линию в соответствии с директивами ЦК... Чекист... разоблачает скрытых врагов народа. И все они привносят в свою работу самые сильные чувства — страх за себя, ненависть к соперникам, великое честолюбие» (с. 312).

Особое внимание автор уделяет заводу № 19, который усилиями Побережского презентовался как одно из самых современных предприятий страны и «культурный оазис» в Перми. Руководство СССР публично отмечало его достижения — своевременное выполнение и перевыполнение планов, соблюдение технологической дисциплины, образцовую организацию труда. На деле за фасадом этого благополучия скрывались административная неразбериха, нехватка производственных площадей, технологическая отсталость, дефицит подготовленных кадров, отсутствие транспортной сети, водоснабжения, канализации, медицинского обслуживания... Руководство завода не

имело «никакого представления о связи между условиями быта и трудовыми достижениями» (с. 99). Проведённый Лейбовичем анализ кадрового состава работников указывает на существование в общей массе двух «условных полюсов» — пролетарского (неквалифицированные и низкооплачиваемые рабочие) и элитарного (рабочие с «опытом, знаниями, высоким статусом», в основном из Москвы, живущие в «особой колонии» и пользующиеся различными благами) (с. 90–91). Социальная поляризация и «барачный быт» (с. 99), по справедливому утверждению автора, формировали у них соответствующие образ жизни и отношение к труду, приводили к неизбежному недовольству и скрытому протесту (прогулы, нарушение дисциплины, отсутствие инициативы и т.д.) (с. 99).

История «преследования и травли» Побережского рассматривается на протяжении следующих пяти глав книги. Она началась в декабре 1934 г. с неудачного выступления главного металлурга и некоторых молодых инженеров на одном из партийных собраний, посвященных убийству С.М. Кирова, что повлекло за собой «чистку» на заводе. Лейбович умело показывает, какими путями и методами группа специалистов была превращена в «троцкистскую группировку», якобы прикрываемую и возглавляемую директором. Для этого он использует термин «криминализация повседневности» (с. 279), когда случайные встречи, беседы и собрания получают негативную политическую окраску.

Ситуация усугубилась в августе 1936 г. По мнению автора, именно тогда, на фоне накаляющейся в стране обстановки, служебный конфликт перерос в политический. Секретарь горкома партии, заручившись поддержкой обкома при участии управления НКВД, перешёл к решительным действиям против Побережского. Кульминация конфликта пришлась на 25 декабря того же года, когда Сталин отправил секретарю горкома телеграмму с требованием прекратить «преследование и травлю» директора. Анализ этого документа уделяется большое внимание: «Отправлена она шифрограммой, что по установленному порядку означало высшую степень секретности... её нужно было вернуть обратно в ЦК, а с содержанием знакомить по очень короткому списку

лиц», но «директор завода, а с ним и парторг ЦК, распорядились этим документом... как передовой статьёй газеты “Правда”» (с. 227). Её зачитывали на собраниях и неоднократно демонстрировали недоброжелателям, используя как своеобразную «охранную грамоту». Ободрённый поддержкой центра, Побережский повёл контрнаступление: «В первые месяцы 1937 г. мужчины, сгрудившиеся за спиной красного директора, одержали верх над такими же мужчинами, сделавшими ставку на партийного секретаря. Только победители вышли из боя двойниками поверженных» (с. 250).

Пытаясь выяснить смысл этого «несвоевременного» документа, Лейбович пришёл к выводу, что его «можно рассматривать как политический жест, рассчитанный и на сегодня, и на завтра. В нём проявляется апробированный уже не раз политический стиль: при проведении жёсткой политической линии держать дистанцию, сохранять для себя свободу маневра, возможность занять критическую позицию» (с. 232). В этой связи, видимо, неудивительно, что телеграмма Сталина лишь отсрочила готовящиеся аресты. «Дело завода № 19» продолжало разрабатываться в недрах НКВД и, в конце концов, 4 марта 1938 г. Побережский был арестован, а 29 июля того же года — расстрелян. Жертвами террора стали также заместитель директора, главные инженеры, начальники цехов, конструкторы... Впрочем, в его жернова угодило и местное партийное руководство.

Последствия репрессий против Побережского и в целом против руководителей крупных предприятий — отдельная тема размышлений автора. Лейбович справедливо утверждает, что «советский директорский корпус был выстроен по артельному, или клановому, принципу» (с. 259). Поэтому огромное значение для нормальной работы заводов играли сложившиеся к середине 1930-х гг. неформальные связи — как между директорами заводов и партработниками (горизонтальный уровень), так и с аппаратом НКТП во главе с Орджоникидзе (вертикальный уровень). Во время Большого террора все эти коммуникации были разрушены.

Исследуя природу конфликта между производственниками и партаппаратом, историк пришёл к обоснованному выводу,

что в его основе лежало противостояние двух способов интерпретации действительности. Директор видел свой долг в выполнении производственных планов. Делом его жизни был завод, специалистов он оценивал и призывал других оценивать их исключительно по деловым критериям, а защищался ссылками на выполнение правительственных заданий и положительным образом предприятия («белые халаты рабочих... цветы в цеховых помещениях» (с. 71). Его противники видели свою главную задачу в ином — разоблачении сомнительных и неблагонадежных людей. Главным для них было «слово», которое значило «больше, чем дело» (с. 312). По мнению автора, в 1934—1937 гг., в ситуации «сползания к “большому террору”», шёл «процесс политической переоценки людей по иным — отнюдь не деловым критериям». Именно тогда «прежние социальные предохранители, ограждавшие номенклатурных работников высшего звена и ценных специалистов от уголовных репрессий», исчезли². Поэтому конфликты — как в высших эшелонах власти (самым известным из которых стал конфликт между Орджоникидзе и Сталиным), так и на нижних её этажах (как, например, в Перми) — оказались неизбежны.

Пытаясь придать новый смысл привычным понятиям, Лейбович не боится делать и подчас неожиданные заявления. Во введении к книге читаем: «Вряд ли охоту на Побережского можно считать типичной. Сам он из сообщества “красных директоров” выделялся высшим инженерным образованием, большим кругозором и незаурядными организаторскими способностями... Исключительным явлением для 1936—1938 гг. стала телеграмма И.В. Сталина» (с. 6). Слова «нетипичная» и «исключительная» здесь ключевые. Для автора уникальность ситуации в том, что «охота» на Побережского была инициирована не центром, а местной властью. Поэтому и общеполитический контекст, неоднократно упоминаемый в книге, остаётся, на мой взгляд, размытым. Подчеркнём, автор не исключает его из своего внимания, но и не концентрируется на нём.

Что же происходило в августе 1936 г.? За две недели до начала процесса в «Правде» появились заметки о разоблачениях местными парторганизациями «затаившихся

врагов». Появление в печати подобного материала, равно как и выбор объекта критики, никогда не были случайными и всегда определялись ЦК. На этот раз таким объектом стал директор Криворожского металлургического комбината Я.И. Весник. Кампания, инициированная газетой, вызвала переполох в Днепропетровской области. ЦК КП(б)У, обком и Криворожский горком приняли постановления об исключении Весника из партии и направили их в ЦК. Далее дело развивалось по хорошо знакомому сценарию. Обсуждение вопроса в Москве проходило непросто. На этот раз Сталин столкнулся с противодействием со стороны Орджоникидзе и, уступая последнему, приостановил репрессии. Наркому удалось отстоять Весника (и других директоров). 31 августа компромисс, пусть и условный, был достигнут, приняты соответствующие постановления ЦК. Одно из них, в частности, запрещало местным парторганизациям самостоятельно, «без ведома и согласия ЦК», снимать с работы и исключать из партии номенклатурных работников, «и в особенности директоров предприятий»³. Таким образом, гонения не запрещались, а лишь централизовались, вектор политики же не изменился. В январе 1937 г. состоялся второй Московский процесс, который фактически стал судом над НКТП. За процессом последовала кадровая чистка наркоматов, учреждений, заводов и предприятий и в первую очередь под удар попал практически весь директорский корпус⁴. Вся эта информация в монографии Лейбовича отсутствует. Представлена она только упоминаниями об общеполитическом контексте и одной сноской с краткой информацией о Московском процессе (с. 169).

Стоит сказать и вот ещё о чём. Составители сборника статей «“Включён в операцию”. Массовый террор в Прикамье в 1937—1938 гг.», ответственным редактором которого является Лейбович, упомянули известную специалистам дискуссию о роли и взаимоотношениях центра и периферии во время Большого террора. По их мнению, историки, работающие с документами федеральных архивов, смотрят на террор сверху вниз, как бы с «капитанского мостика». При таком взгляде можно «учитывать оттенки мнений в высшем руководстве, вскрывать процедуры бюрократических согласований,

обнаружить инициаторов тех или иных оперативных акций», но не увидеть того, что «происходило в районных и городских отделах НКВД»⁵. С этим, конечно же, трудно не согласиться. Но, отметим применительно к рассматриваемой монографии, в случае с Побережским взгляда только с «подводной лодки» (т.е. из местных архивов) автору оказалось явно недостаточно. В результате картина событий исказилась — местные репрессивные практики и указания, исходящие от руководства страны, существуют в книге отдельно друг от друга.

Между тем документы федеральных архивов наглядно показывают, что кампания по дискредитации и уничтожению директорского корпуса была инициирована и определена центром. «Охота» на Весника ничем не отличалась от кампании против пермского директора (и биографии их, между прочим, также похожи). Подобное происходило и на других заводах. Начало, неожиданная развязка и вполне ожидаемый финал этих историй повторяли друг друга. Их участники вели себя одинаково — писали письма и доносы в высшие инстанции. В атмосфере страха и подозрительности обострялись обиды, служебные конфликты и ведомственные амбиции. Но не они, подчеркнём, были причиной травли и гибели директоров. Публикации в «Правде» в августе 1936 г. дали зелёный свет гонениям на директорский корпус, через них транслировалось на места, что так можно и нужно поступать. Хотя о Побережском в «Правде» не писали и указания ЦК о нём не обнаружены, но именно последние, а не ведомственные амбиции пермских секретарей, «разрешили» на него «охоту». Таким образом, случай в Перми не был уникальным. Кампания против Побережского проводилась по единому алгоритму с сотнями других ей подобных.

В заключении работы автор пишет об изучаемом конфликте как о столкновении двух культур — американской и большевистской: «Американцы времён Гувера на вопрос, что стоит этот человек, называли величину его банковского счёта либо... годовой доход. Побережский... оценил бы человека, по всей вероятности, в количестве моторов для советских истребителей. Дело... было важнее всего» (с. 313–314). Директор

завода, подытоживает Лейбович, стал «чужаком» для общества, в котором «большевистская культура» «была более органичной для людей, переживших социальную катастрофу и не способных в виду закреплённости мысли её в какой-то мере осмыслить» (с. 314). Эти умозаключения появляются в самом конце книги, никак не вытекая из ранее представленного материала, поэтому производят впечатление категоричных и недостаточно обоснованных и оставляют после себя многочисленные вопросы. На мой взгляд, подобные обобщения требуют более серьёзной аргументации на основании специальных исследований.

Тем не менее отмеченные спорные моменты нисколько не умаляют значения проделанной работы. Они, скорее, указывают на необходимость дальнейших исследований и продолжения дискуссий по теме. Сама же монография заслуживает внимания как специалистов, так и любителей истории. Репрезентативный документальный корпус, взвешенность оценок, глубина обобщающих идей, чувство стиля и прекрасный литературный язык — всё это вызывает большое уважение. Реконструируя хронику «преследования и травли» Побережского, Лейбович выходит за рамки простой систематизации фактов и пересказа документов. Его исследование выявляет важные черты времени, даёт богатую информацию о месте репрессий против директорского корпуса в общей карательной политике Сталина, о технологической составляющей и итогах Большого террора.

Примечания

¹ См., например: *Хлевнюк О.В.* Сталин и Орджоникидзе: Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. С. 61–65; *Хлевнюк О.В.* Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 272–275; и др.

² *Лейбович О.Л.* «Парторганизацию завода им. Сталина охватил психоз...» // Новое литературное обозрение. 2012. № 4.

³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 980, л. 75.

⁴ Более подробно об этом см.: *Артамонова Ж.В.* «ЦК ВКП(б) может иногда ошибаться...» // Родина. 2017. № 6. С. 122–126.

⁵ «Включён в операцию»: Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. М., 2009. С. 12–13.